

Диана Фурсова

ОТВЕРГНУТАЯ ЖЕНА АЛЬФЫ

Купальни для непослушных волчат

Диана Фурсова

**Отвергнутая жена
Альфы. Купальни для
непослушных волчат**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Отвергнутая жена Альфы. Купальни для непослушных волчат /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Муж отверг меня перед всем Советом. Пять лет брака закончились одним решением, а мне даже не позволили увидеть доказательства моей вины. Вместо красивого дома и золота я выбрала заброшенные купальни за восточной стеной. Думала, за ремонтом будет некогда вспоминать развод. Но в первую же ночь услышала за запертой дверью детский голос: «Не уходи...» Теперь у меня протекающая крыша, ворчливый смотритель и целая компания волчат, которых взрослые считают неправильными. Здесь они учатся не бояться собственного зверя, а я — снова радоваться жизни. Вот только древняя вода почему-то слушается меня, под бассейном скрывается тайна, а Совет слишком настойчиво интересуется моими владениями. И бывший муж всё чаще появляется на пороге. Когда-то я ждала, что он встанет на мою защиту. Теперь мне есть кого защищать самой. И если Альфа хочет второй шанс, одного «вернись» ему точно не хватит.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Жена, которой больше нет	5
Глава 2. Волчонок в запертой купальне	14
Глава 3. Купальни для непослушных волчат	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Глава 1. Жена, которой больше нет

— Лиавена Роэн более не является моей женой.

Тарвель произнёс это так спокойно, будто объявил Совету, сколько мешков зерна осталось в северных хранилищах. И именно спокойствие оказалось хуже всего. После крика или вспышки ярости я ещё могла бы убедить себя, что муж потерял голову и утром пожалеет о сказанном. Но мужчина напротив всё обдумал заранее, выбрал слова и теперь ровным голосом вычёркивал пять лет нашей жизни.

По круглому залу Совета прокатился едва слышный шорох. Кто-то поправил тяжёлый рукав, кто-то отодвинул кресло, кто-то слишком поспешно опустил взгляд. Никто не удивился.

Вот тогда я окончательно поняла: кроме меня, здесь знали всё. Восемнадцать членов Совета расположились полукругом за длинным столом из тёмного дерева. За их спинами вышались знамёна северных стай, и вышитые на ткани волки смотрели на меня куда честнее, чем люди под ними.

Я стояла одна в середине зала, а Тарвель сидел на возвышении напротив. Ещё утром за завтраком он спросил, не холодно ли мне у окна, и велел закрыть створку, потому что с гор потянуло ветром. Я рассердилась, ответила, что не нуждаюсь в опеке, а потом всё-таки закрыла окно. Обычное утро — настолько обычное, что сейчас оно казалось издевательством.

Я посмотрела на мужа, надеясь увидеть хоть что-нибудь знакомое: сожаление, сомнение, даже злость. Но лицо Альфы Северной стаи было непроницаемо. Только пальцы его правой руки лежали на столе слишком неподвижно.

— На основании чего? — спросила я.

Голос не дрогнул. Это оказалось моей первой маленькой победой за сегодняшний день, хотя радоваться ей было некому.

Слева от Тарвеля поднялся Орвейн Харст, старейшина, отвечавший за родовые соглашения. Ему нравилось разговаривать так, будто каждое слово прежде получило печать Совета и было занесено в три книги.

— Совет располагает доказательствами того, что вы сознательно скрыли сведения, имеющие значение для определения будущего наследника Северной стаи.

По залу опять прошёл шорох. Я медленно повернула голову к Орвейну.

— Какие сведения?

Он помолчал, словно мой вопрос показался ему неожиданным.

— Вы знаете, о чём идёт речь.

— Нет. Поэтому и спрашиваю.

На дальнем конце стола кто-то кашлянул, пряча неловкость. Орвейн нахмурился.

— Леди Роэн... — начал Орвейн с тем терпением, которым обычно одаривают неразумных детей.

— Пока ещё леди Эйрхольд, — напомнила я.

Он замер всего на мгновение, но мне хватило. Тарвель поднял глаза; в них мелькнуло что-то живое и исчезло прежде, чем я успела понять, что именно.

— Пока решение Совета не вступило в силу, — произнесла я, обращаясь уже ко всем, — я имею право знать обвинение полностью.

— Ты имеешь право услышать решение, — ответил Тарвель.

Вот это ранило сильнее его первой фразы. Он говорил негромко, почти буднично, словно забыл собственное обещание: между нами не будет решений, принятых за моей спиной. В день свадьбы я рассмеялась и сказала, что обещание слишком серьёзное для мужчины, которому придётся каждый день жить со мной. Он ответил, что справится.

Я посмотрела на узкую папку перед ним. Значит, справлялся до тех пор, пока это было удобно.

— Значит, там доказательства?

Тарвель не ответил.

— Я хочу их увидеть.

Орвейн повернулся к Тарвелю, и тот едва заметно качнул головой. Я уловила это движение по привычке. За годы брака научилась замечать, как меняется положение его рук, как напрягаются плечи, что означает пауза перед ответом. Сегодня мне впервые захотелось разучиться.

— Материалы Совета не подлежат передаче обвиняемой стороне до завершения процедуры, — произнёс Орвейн.

Я даже улыбнулась.

— Обвиняемой стороне?

По правую руку от Тарвеля сидела Сайра Вельнор. До этого момента я почти не смотрела на неё, но теперь всё-таки позволила себе. Она была безупречна, как всегда. Светлые волосы уложены в сложную косу, серебристое платье застёгнуто под горло, на лице ровное выражение почтительного внимания.

Только пальцы раз за разом гладили край стола. Наверное, Сайра нервничала. Или торопилась.

Она принадлежала к одному из трёх старейших родов Севера и последние два года появлялась рядом с Советом чаще, чем некоторые его официальные члены. Сайра прекрасно знала законы, родословные и то, какое место должен занимать каждый человек. Особенно если этим человеком была я — дочь провинциального управляющего, неожиданно ставшая женой Альфы. Когда-то это считали романтической историей. Сегодня, похоже, решили исправить ошибку.

— Вы обвиняете меня в сокрытии сведений о наследнике, — сказала я. — Но не показываете мне сведения, которые я якобы скрывала. Не называете наследника. Не объясняете, когда я получила эту информацию. И при этом уже объявляете о расторжении брака.

— Лиавена, — тихо произнёс Тарвель.

Я повернулась к нему. Между нами было шагов десять, и никогда ещё это расстояние не казалось таким огромным.

— Я слушаю. Может быть, хотя бы ты мне объяснишь?

— Не усложняй.

Несколько секунд я просто смотрела на него. Наверное, именно в тот миг что-то во мне окончательно перестало ждать спасения. До этого оставалась крошечная, унижительная надежда: сейчас Тарвель встанет, велит всем выйти и скажет, что произошло недоразумение. Что Совет принёс ему ложь, а он хочет услышать меня. Что пять лет совместной жизни стоят хотя бы одного вопроса.

Оказалось, не стоят.

— Я усложняю? — переспросила я.

— Здесь не место для сцены.

— Согласна. Поэтому я её и не устраиваю.

Где-то справа скрипнуло кресло. Некоторые старейшины избегали моего взгляда. Значит, не всем нравилось происходящее, но ни один не собирался возражать. Смотреть на меня им было неловко; голосовать оказалось легче.

— Решение принято? — спросила я.

Орвейн снова открыл рот, но Тарвель опередил его:

— Принято, Лиавена.

Он произнёс моё имя почти бережно, и от этого стало только хуже.

— Единогласно?

С ответом они замешкались. Я уже поняла всё, когда Орвейн наконец уточнил:

— Большинством голосов.

Значит, кто-то всё-таки голосовал против.

Я могла начать искать союзников. Могла потребовать назвать имена. Могла затянуть процедуру, вспомнить каждую лазейку в брачном соглашении и заставить Совет провести здесь остаток недели. Полгода назад я бы именно так и поступила. Сегодня мне внезапно стало противно торговаться за место рядом с мужчиной, который даже не захотел услышать мой ответ. Я подняла левую руку. На запястье лежал широкий брачный браслет из тёмного серебра. Не украшение — знак союза двух волков, заключённого перед стаей.

В день свадьбы Тарвель застегнул его сам, и пальцы тогда дрожали у него сильнее моих. Это я помнила совершенно отчётливо.

Память вообще иногда бывает удивительно жестокой. Она бережно хранит именно то, что однажды причинит больше всего боли. Замок поддался не сразу. В зале стало так тихо, что щелчок металла прозвучал почти громко.

Я сняла браслет. Кожа под ним оказалась светлее: пять лет солнце почти не касалось этого места, и на запястье осталась бледная полоса, похожая на след от верёвки.

На половине пути к столу я заметила, как Тарвель выпрямился. Он смотрел на браслет в моей руке.

— Лиавена, подожди.

— Ты сказал, решение принято.

— Я не говорил, что ты должна уехать сегодня.

— А чего мне ждать, Тарвель? Ты только что объявил, что я больше не твоя жена.

Я остановилась перед ним. Так близко, что почувствовала знакомый запах зимнего леса, которым всегда пахла одежда Тарвеля после тренировок во внутреннем дворе. Когда-то мне достаточно было уловить его в коридоре, чтобы понять: муж вернулся домой. Теперь этот запах принадлежал чужому человеку. Я положила браслет перед ним. Металл негромко ударился о дерево.

— Когда-нибудь ты узнаешь правду, — сказала я. — Только меня рядом уже не будет.

На лице Тарвеля наконец что-то изменилось. Другой человек мог бы не заметить, но я слишком хорошо его знала. Он не ожидал, что я не стану просить.

— Если тебе есть что сказать, скажи сейчас, — произнёс он.

Я едва не рассмеялась.

— Сейчас? После того как ты уже объявил перед всем Советом, что я больше не твоя жена?

Тарвель нахмурился, но взгляда не отвёл.

— Решение может быть пересмотрено, если появятся новые обстоятельства.

— И откуда возьмутся новые обстоятельства, если ты не даёшь мне узнать прежние?

На этот вопрос он не ответил.

И тогда я поняла ещё кое-что: Тарвель действительно верил в то, что лежало в папке. Возможно, ему было тяжело. Возможно, какая-то часть его даже хотела ошибиться. Но он поверил бумаге раньше, чем мне, и я больше не хотела знать почему. По крайней мере сегодня.

— Закончим это, — сказала я.

Орвейн поспешно подтянул к себе другой свиток. Похоже, такой исход нравился ему куда больше.

— Согласно брачному соглашению между родом Роэн и домом Эйрхольдов, при расторжении союза по инициативе главы дома супруга имеет право выбрать один объект из личных владений рода.

Он заглянул в текст.

— Ограничения касаются родового замка, земель, непосредственно обеспечивающих содержание стаи, северных серебряных разработок и...

— Я помню договор.

Орвейн недовольно поджал губы. Ему явно хотелось дочитать.

— В таком случае назовите желаемую компенсацию.

Вот теперь на меня посмотрели все — даже те, кто до этого с большим интересом изучал поверхность стола. Разумеется, это была понятная часть происходящего. Любовь, доверие, предательство — вещи неудобные. А имущество всегда конкретно.

У рода Эйрхольдов имелись три городских дома, несколько торговых помещений, доли в лесных хозяйствах, склады, мельница, загородная усадьба у озера и достаточно золота, чтобы я могла до старости жить, не задумываясь о расходах.

Наверняка именно этого и ждали: отвергнутая жена заберёт мешок золота и исчезнет. Очень удобный конец.

Сайра перестала гладить край стола и посмотрела на меня прямо. Я же вспомнила разговор двух служанок, услышанный месяц назад. Они обсуждали старое здание за восточной стеной: просевшую крышу, заросший двор и городского казначея, который третий год пытался убедить дом Эйрхольдов отказаться от бесполезной собственности.

Тогда я не придавала их словам значения. Почему вспомнила сейчас? Наверное, потому что золото вдруг показалось продолжением той же клетки. Я буду жить на деньги Тарвеля, и каждая покупка напомнит, откуда они появились.

Дом тоже не подходил. Мне не хотелось сидеть в красивых комнатах и ждать, когда жалость к себе станет главным занятием. Требовалось что-то никому не нужное, чему можно дать жизнь собственными руками.

Я подняла взгляд.

— Старые общественные купальни за восточной стеной.

Наступившая тишина оказалась почти смешной. Орвейн моргнул и подался вперёд:

— Прошу прощения, какие купальни?

— Старые Восточные. Их я и выбираю.

На этот раз шёпот уже не пытались скрывать. Кто-то в конце стола даже повернулся к соседу. Сайра слегка приподняла брови. Тарвель смотрел на меня так, будто впервые за весь вечер перестал понимать происходящее.

— Лиавена, ты хотя бы была там? — медленно спросил Тарвель.

— Пока не довелось. Теперь будет повод съездить.

— Ты не понимаешь, что выбираешь.

— Прекрасно понимаю: недвижимость твоего рода, которая не входит в список исключений.

— Эти купальни закрыты почти двадцать лет.

— Значит, никто не будет скучать.

— Половина здания непригодна для использования, — сказал он уже жёстче.

— Вторая половина, стало быть, пригодна.

У кого-то вырвался смешок и мгновенно стих, когда Тарвель повернул голову. Мне впервые за весь Совет стало немного легче. Приятно было видеть, что хотя бы одна вещь сегодня произошла не по заранее подготовленному ими сценарию.

— Возьми городской дом, — сказал Тарвель. — Любой из двух западных.

— Я уже назвала свой выбор.

— Тогда усадьбу у Карнийского озера. Ты любила туда ездить.

— Именно поэтому я её не возьму.

— Лиавена, перестань упрямиться ради...

Он оборвал себя, и я дождалась, пока он снова посмотрит на меня.

— Договори. Ради чего?

Тарвель отвёл взгляд первым.

— Ты принимаешь решение в состоянии сильных эмоций.

— А ты, конечно, нет.

— Я говорю о твоём будущем.

— Моё будущее перестало быть твоей обязанностью несколько минут назад.

На скулах мужа проступило напряжение.

Мне следовало остановиться. Я знала этот взгляд: ещё немного — и мы впервые за пять лет действительно поссоримся на глазах у всего Совета. Хуже всего было то, что часть меня этого хотела. Пусть хотя бы злится, пусть перестанет быть холодным Альфой, подписавшим нужную бумагу и ожидающим, когда неудобная жена достойно покинет зал.

Но я не собиралась дарить Совету такое зрелище. Поэтому повернулась к Орвейну.

— Купальни входят в перечень имущества?

Он нехотя перелистнул бумаги.

— Формально да.

— Но состояние источника отдельно зафиксировано в описи, — поспешно добавил он.

— После закрытия купален подающий канал запечатан. Восстановлению не подлежит.

— Значит, вы передаёте мне стены. Я слышала.

Орвейн снова посмотрел на Тарвеля.

— Можно отложить передачу до повторной оценки.

— Зачем? — спросила я. — Вы только что предложили мне выбрать имущество из утверждённого перечня.

Тарвель протянул руку за описью и нашёл нужную строку.

— Купальни внесены без ограничений. Менять условия договора после её выбора мы не будем.

Орвейн поджал губы. Сайра сидела неподвижно. Впервые мне показалось, что моя странная компенсация беспокоит её сильнее самого развода.

— На купальнях есть долги? Или они переданы кому-либо в пользование?

— Ни долгов, ни действующих договоров, — процедил Орвейн, ещё раз сверившись с бумагами.

— Тогда внесите их в соглашение.

Орвейн снова посмотрел на Тарвеля. По договору выбор принадлежал мне, но старейшина всё равно ждал его согласия. Тарвель молчал дольше, чем требовалось.

— Внесите, — наконец приказал он.

Орвейн недовольно вздохнул и принялся писать. Перо заскрипело по бумаге. Наверное, мне следовало чувствовать облегчение. Вместо этого я вдруг очень ясно услышала далёкий бой часов за окнами Совета и поняла, что меньше часа назад была женой Альфы. Теперь у меня имелись разваливающиеся купальни. Впечатляющий обмен.

— До полуночи ваши личные вещи доставят в выбранное вами место, — сообщил Орвейн, закончив писать. — Если здание не подходит для проживания, дом Эйрхольдов готов предоставить вам гостевые комнаты на срок...

— Благодарю. Комнаты мне не понадобятся.

— Лиавена, хотя бы на эту ночь, — вмешался Тарвель.

Я посмотрела на него и заставила себя ответить спокойнее:

— Не нужно. Я не останусь в твоём доме гостьей.

У нас обоих было достаточно гордости, чтобы понять друг друга.

Сайра заговорила впервые:

— Возможно, стоит проявить благоразумие. Восточные кварталы ночью не самое подходящее место для женщины одной.

Голос у неё был мягкий, почти заботливый. Именно поэтому ответить резко оказалось особенно соблазнительно. Я сдержалась.

— Благодарю за беспокойство.

Она чуть склонила голову.

— Я лишь не хочу, чтобы сегодняшнее решение привело к неприятным последствиям.

Странная фраза. Может быть, мне только показалось. После всего произошедшего я была готова искать скрытый смысл даже в пожелании спокойной ночи. Тарвель повернулся к ней.

— Достаточно, Сайра.

Она сразу замолчала. Я заметила это и тут же разозлилась на себя. Мне больше не должно быть дела до того, как быстро другие женщины исполняют распоряжения моего мужа. Бывшего мужа. Мысль пока ощущалась непривычно, словно одежда, сшитая не по мерке.

Орвейн протянул мне соглашение, и я прочитала его полностью. Сегодня уже один раз доверилась людям, решившим всё без меня; второй такой ошибки за вечер я делать не собиралась.

В тексте значилось, что старые Восточные купальни вместе с внутренним двором, хозяйственными пристройками и прилегающим участком переходят в мою личную собственность с момента подписания.

Я подписалась: Лиавена Роэн. Перо на мгновение задержалось после последней буквы. Девичья фамилия ещё не ощущалась своей.

Орвейн забрал документ.

— Процедура завершена.

Ни колокола, ни погасших огней — мир даже не пошатнулся. Старейшины начали собирать бумаги, словно мы закончили обсуждать налог на мосты.

Я повернулась к выходу.

— Лиавена.

Голос Тарвеля остановил меня у дверей. Я уже не обязана была оборачиваться, но пятилетняя привычка оказалась сильнее.

Я обернулась. Тарвель уже стоял, и без возвышения между нами мне было труднее видеть в нём только Альфу. Однажды этот высокий, упрямый мужчина полдня простоял под дождём у дома моего отца, потому что я отказалась с ним разговаривать. Тогда я всё-таки вышла. Сегодня воспоминание только мешало уйти.

— Я распоряжусь, чтобы тебя сопровождали, — сказал он.

— Не распоряжайся. Сегодня я хочу уехать сама.

— Восточные кварталы...

— Я слышала Сайру. Повторять её слова незачем.

Ему не понравилось упоминание её имени.

— Это не просьба.

— А вот это уже интересно. Наш брак расторгнут, но распоряжаться мной ты всё ещё собираешься?

— Я отвечаю за безопасность людей на территории стаи.

— Тогда считай меня человеком на территории стаи. Не больше.

Он сделал шаг ко мне, и я сразу подняла ладонь. Тарвель остановился бы и без моего жеста, я знала. Но провести эту границу мне было необходимо самой.

— Не надо, — сказала я.

— Я не хотел, чтобы всё произошло так.

Слова были тихими. Если бы он произнёс их час назад, возможно, я бы ухватилась за них. Сейчас они только утомили.

— Тогда надо было сделать иначе.

Он ничего не ответил, и я ушла.

* * *

Мои вещи доставили так быстро, будто их начали собирать ещё до заседания.

Я стояла во внутреннем дворе дома Эйрхольдов и смотрела, как двое работников закрепляют последний сундук на небольшой повозке. Никто из прислуги не знал, куда девать глаза. Некоторые служили здесь ещё до нашей свадьбы. Повариха Мерта плакала в кладовой и отказалась выходить со мной прощаться. Её помощница передала мне свёрток с ещё тёплой выпечкой в дорогу, и я не стала объяснять, что ехать меньше часа.

По-настоящему моих вещей оказалось удивительно мало: одежда, несколько книг, шкапулка матери, старое шерстяное покрывало из родительского дома, подаренный отцом чайный сервиз. И маленькая деревянная фигурка волка, которую Тарвель вырезал в первый год брака.

Фигурку я нашла на дне ящика. Долго держала в ладони, потом завернула в ткань и всё-таки оставила. Сегодня я уже достаточно потеряла, чтобы добровольно выбрасывать ещё и это.

— Госпожа...

Я обернулась. Молоденькая служанка держала мой плащ и не решалась подойти.

— Уже не госпожа Эйрхольд, — сказала я и тут же пожалела, увидев, как она покраснела.

— Простите, я не подумала...

— Не за что просить прощения. Дай мне плащ, пожалуйста.

Я накинула его на плечи, стараясь улыбнуться девушке.

Во дворе горели фонари, но за воротами ночь казалась почти чёрной. Дождя не было, лишь холодный ветер гонял по камням сухие листья. Возница ждал возле повозки.

— Куда едем?

Судя по лицу, он надеялся, что я всё-таки назову гостиницу.

— К Восточным купальням.

Возница открыл рот, но удержал возражение при себе. Умный человек.

— Как скажете, госпожа. Устраивайтесь.

Я уже поставила ногу на ступеньку, когда за спиной хлопнула дверь. Прежде чем успела удержаться, обернулась.

На крыльце стоял Тарвель — без плаща, в одной тёмной рубашке, словно вышел сразу после Совета и только сейчас заметил, что меня действительно увозят. Мы смотрели друг на друга через весь двор. Наверное, от меня ожидалась последняя красивая и гордая реплика. Но жизнь редко подсовывает правильные слова именно тогда, когда они нужны.

Я просто села в повозку. Возница тронул лошадь, дом поплыл назад, и больше я не оглядывалась.

* * *

Ехали дольше, чем мне казалось. Город постепенно менялся. Широкие центральные улицы остались позади, исчезли высокие дома с освещёнными окнами, затем закончилась торговая площадь. Чем ближе мы подъезжали к восточной стене, тем меньше становилось фонарей. Я начала подозревать, что Тарвель всё-таки был прав хотя бы в одном. Я совершенно не представляла, что выбрала.

— Далеко ещё? — спросила я.

Возница по имени Эрдек покосился на меня.

— Минут десять, госпожа.

— Зовите меня Лиавеной. Теперь это вполне допустимо.

Он едва не выпустил поводья.

— Нет уж, увольте. Потом Альфа узнает, что я называл его... — Эрдек запнулся. — То есть бывшую...

Я впервые за вечер рассмеялась. Смех быстро исчез, но мне стало легче.

— Ладно, называйте как привыкли. Не буду усложнять вам жизнь.

— Вот за это благодарю, госпожа, — с явным облегчением ответил он.

Через несколько минут повозка свернула с мощёной улицы на дорогу, где камни попадались только местами. Перед нами выросла восточная городская стена, а справа показалось здание. Сначала я приняла его за склад, потом разглядела остатки декоративной арки над входом.

Повозка остановилась. Мы с Эрдеком молча смотрели на моё приобретение: купальни оказались значительно хуже, чем даже Тарвель пытался объяснить.

Двухэтажное каменное здание растянулось вдоль стены. Часть окон была заколочена, в других зияла темнота. В правом крыле действительно просела крыша, а из трещины возле трубы рос тонкий куст. Ему здесь явно жилось лучше, чем прежним хозяевам. Сад перед входом зарос высокой травой. На боку у крыльца лежала каменная волчица без головы; я задержала на ней взгляд с невольным сочувствием.

— Ну, зато места много, — осторожно заметил Эрдек, отводя взгляд от просевшей крыши.

— Вы очень добрый человек.

— Стараюсь, госпожа. При такой крыше приходится искать достоинства в другом.

Он спрыгнул с козел и начал отвязывать сундуки.

Я подошла к входу. Дверь была огромная, двустворчатая, с потемневшими медными пластинами. На одной сохранился рисунок полумесяца. Я достала ключ, который Орвейн передал вместе с документами. Замок сопротивлялся. Пришлось навалиться плечом. Внутри что-то хрустнуло, и дверь открылась на ладонь. Из здания пахло сыростью, холодным камнем и долгим запустением.

— Может, утром? — предложил Эрдек.

Я посмотрела в тёмный проём. Утром действительно было бы разумнее: вернуться в город, найти комнату, а на рассвете приехать сюда с рабочими. Но если я сейчас отступлю от собственной двери, мне будет казаться, что всё решение с купальнями было лишь жестом назло Тарвелю. А я не хотела делать что-либо назло ему, даже если пока не знала, ради чего делаю.

— Заносим вещи.

Эрдек тяжело вздохнул.

— Я так и думал.

Эрдек взял первый сундук, а я распахнула дверь шире. Темнота словно отступила на несколько шагов, открывая просторный вестибюль. Луч фонаря выхватил потрескавшийся мозаичный пол, стойку из тёмного дерева и широкую лестницу.

Грязи было много, пыли ещё больше, но стены и лестница стояли. Слева от входа сохранилась мозаика — серебряная луна над водой. Я провела пальцами по краю рисунка, снимая слой пыли. Когда-то здесь было красиво.

— Вещи поставлю здесь, — сказал Эрдек. — А потом съезжу за кем-нибудь.

— Здесь будет удобно. Только ехать больше никуда не нужно.

Он посмотрел на меня так, будто уже пожалел обо всех решениях, приведших его к этой работе.

— Госпожа, вы же не собираетесь ночевать тут одна? Здесь лет двадцать никто не жил!

— Значит, соседи не будут шумными.

Эрдек не улыбнулся. Пришлось добавить:

— Я выберу комнату, где целы потолок и дверь. И запрусь до утра.

Мы перенесли внутрь четыре сундука и два небольших ящика. Когда работа закончилась, я отдала Эрдеку монету. Он отказался.

— Мне уже заплатили в доме.

— Это за то, что не пытались всю дорогу убедить меня вернуться.

Возница подумал и всё-таки взял.

— Тогда заслужил.

У ворот Эрдек задержался.

— Утром приеду. Проверю, не передумали ли вы.

— Не передумаю, — предупредила я, но его упрямство уже не раздражало.

— Тогда привезу метлу. Без неё тут никуда.

— За метлу буду благодарна.

Он уехал. Стук колёс постепенно исчез, и только тогда я поняла, насколько здесь тихо.

Я осталась одна в огромном заброшенном здании на краю города — без мужа, без привычного дома, без понятия, что собираюсь делать завтра. При свете фонаря эта затея уже не выглядела такой смелой, как в зале Совета.

Я закрыла дверь, проверила засов и вернулась к сундукам. Сперва следовало выбрать комнату для ночлега, потом найти воду, проверить окна и понять, насколько безопасна лестница. Обычные, понятные задачи немного успокаивали.

Я подняла фонарь выше и направилась в глубь вестибюля. За аркой оказался длинный коридор. Справа располагались двери небольших комнат, слева — окна во внутренний двор. В конце коридора виднелись ещё одни двойные двери.

Над дверями сохранилась надпись. Я стёрла пыль рукавом и прочитала: «Главный зал».

Любопытство победило осторожность. Двери оказались не заперты, и я толкнула одну. Фонарь освещал лишь ближние колонны и край широкого бассейна, занимавшего большую часть зала. На дне лежали листья и куски штукатурки.

Я подошла ближе. На настенных мозаиках волчата бежали вокруг серебряного круга, похожего на полную луну. Станный выбор для общественных купален.

Я наклонилась, пытаюсь лучше рассмотреть рисунок, когда где-то подо мной раздался звук. Замерла, прислушиваясь. Наверное, осыпался камень: старое здание, просевшие перекрытия — здесь могло скрипеть и падать что угодно.

Но звук повторился, тихий и протяжный. Я медленно выпрямилась. Из глубины купален доносился вой. Детский.

Крепче сжав ручку фонаря, я несколько мгновений вслушивалась в тишину и надеялась, что ошиблась. Вой раздался снова, ближе и испуганнее. А следом из темноты совершенно отчётливо прозвучал детский голос:

— Не уходи...

Глава 2. Волчонок в запертой купальне

— Не уходи...

Голос донёлся не из главного зала. Я медленно повернула голову, стараясь понять направление. Эхо в старом здании путало звуки: детский шёпот будто одновременно прошёлся по колоннам, скользнул вдоль пустого бассейна и спрятался где-то за стеной.

— Я не уйду, — ответила я громче, чем собиралась. — Где ты?

Несколько мгновений было тихо. Затем послышалось царапанье, словно кто-то скрёб ногтями по камню.

Я подняла фонарь и пошла вдоль края бассейна. Следовало бы позвать городскую стражу: бродить ночью по развалинам за неизвестным голосом было опасно. Но ребёнок мог не дожждаться помощи, пока я буду искать ближайший пост.

— Ты меня слышишь? Отзовись ещё раз, — попросила я.

Из темноты донёлся приглушённый всхлип:

— Я здесь... за дверью.

Теперь направление было понятнее.

За дальней колоннадой обнаружился узкий проход, которого я прежде не заметила. В стене стояла низкая деревянная дверь, почерневшая от времени. Полотно перекошилось и почти вышло из нижней петли, но кто-то совсем недавно пытался её закрыть.

В пыли виднелись следы маленьких ног. Все вели за дверь; обратных я не нашла.

— Ты там?

За дверью тихо зарычали, и я невольно выпрямилась. Первые неполные превращения у оборотней начинались в разном возрасте. Обычно ребёнок учился удерживать зверя внутри, затем выпускать когти, пользоваться волчьим зрением и слухом. Полное обращение проходило позднее, под присмотром семьи.

У некоторых детей превращение начиналось слишком рано или обрывалось на полпути. Волк торопился наружу, а вернуться в человеческий облик не получалось. О таких детях я слышала только шёпот: «Неправильный», «Опасный», «Надо держать подальше от остальных».

Мне всегда казалось странным, что взрослые умеют так быстро испугаться ребёнка и так редко спрашивают, чего боится он сам. За дверью снова послышалось царапанье.

— Я открою, — предупредила я. — Не бойся.

— Не открывай!

Я остановилась, уже взявшись за ручку.

— Хорошо, пока не буду. Но скажи мне, что случилось.

За дверью помолчали. Потом тот же голос произнёс с таким отчаянием, что у меня перехватило горло:

— Я страшный.

На несколько секунд мне стало нечего ответить. Кто-то уже успел научить ребёнка говорить о себе именно так.

Я поставила фонарь на каменный выступ рядом с дверью.

— Знаешь, что действительно страшно? — спросила я, дождавшись, пока за дверью стихнут всхлипы. — Эта дверь. Она выглядит так, будто развалится от одного строгого взгляда. А ты пока ничего страшного мне не показал.

Внутри что-то шевельнулось.

— Вы не знаете. Я кусаюсь.

— Меня сегодня уже кусали гораздо больше.

Он, конечно, не понял. Зато я поняла, что всё-таки способна шутить. Плохой признак или хороший — решу позже.

— Как тебя зовут?

Мальчик ответил не сразу, будто и это доверить незнакомой женщине было опасно:

— Кейран.

— А меня Лиавена.

— Я знаю. Вас все знают.

Вот теперь удивилась я. Не прошло и нескольких часов после расторжения брака, а новости, похоже, успели обогнать меня даже до восточной стены.

— Тогда ты знаешь, что вечер у меня не задался, — сказала я. — Поможешь сделать его хоть немного лучше? Позволь мне войти.

За ней раздался странный звук. Похоже, мальчик попытался засмеяться и тут же подавил смех. Уже что-то.

Я осторожно потянула ручку, потом сильнее. Дверь дёрнулась, но удержалась.

— Кейран, отойди подальше. Я попробую ещё раз.

— Не могу, — выдохнул он. — У меня нога застряла.

Вот почему он не вышел сам. Я осмотрела дверное полотно: старый засов с моей стороны был поднят. Мальчика не заперли, просто дверь перекосилась.

Я упёрлась ногой в стену и потянула. Доски жалобно заскрипели, но не поддались.

— Ещё раз, — велела я скорее себе.

На второй попытке дверь распахнулась так неожиданно, что я едва не потеряла равновесие. Из помещения пахло сырой землёй и водой. Странно: главный бассейн был совершенно сухим. Я подняла фонарь.

Комната за дверью оказалась небольшой раздевалной или, возможно, подсобным помещением. Вдоль стен тянулись полуразвалившиеся деревянные лавки. В углу лежали старые корзины, а возле противоположной стены находилась решётка, ведущая куда-то вниз.

Перед решёткой сидел мальчик лет семи, не больше. По крайней мере, его человеческой половине я дала бы столько.

Правая сторона лица оставалась обычной: тёмные волосы прилипли ко лбу, щёка была испачкана пылью, серый глаз смотрел на меня с испугом. Слева от виска к скуле шёл густой тёмный мех. Ухо вытянулось и поднялось над волосами, а рука, которой Кейран держался за решётку, напоминала волчью лапу с длинными когтями.

С ногами было ещё хуже. Одна оставалась почти человеческой, вторая вывернулась в промежуточную форму и застряла между металлическими прутьями.

Кейран прикрыл её ладонью, словно мог спрятать.

— Не смотри.

Я опустилась на корточки.

— Если я не буду смотреть, мне будет труднее тебя вытащить.

— Вы не боитесь? — спросил он, внимательно следя за моим лицом.

— Немного, — честно ответила я.

Кейран тут же сжался.

— Я ведь предупреждал...

— Я боюсь, что решётка прижала тебе ногу. А ещё — что дверь окончательно развалится, пока я пытаюсь её открыть. — Я поправила фонарь, чтобы он видел моё лицо. — Тебя я не боюсь, Кейран.

Он настороженно посмотрел на меня.

— Какую хозяйку?

— Меня. Сегодня купальни стали моими.

— Они же ничьи, — возразил мальчик так уверенно, будто здесь ошибиться было невозможно.

— Вот это уже обидно. Я ради них целое заседание Совета выдержала.

Я поднесла фонарь ближе к решётке. Его нога действительно застряла неудачно. Один прут погнулся, и звериная лапа оказалась зажата между ним и каменным краем.

— Я попробую отогнуть металл. Может быть неприятно, поэтому не дёргайся.

Кейран кивнул.

Я взялась обеими руками за прут. Металл был старым, но гораздо крепче, чем выглядел. При второй попытке Кейран заскулил, и я сразу отпустила решётку.

— Прости. Так мы только сделаем хуже.

— Я сам виноват, — пробормотал он, отворачиваясь. — Нельзя было сюда приходить.

— Сейчас важнее вытащить твою ногу. Но как ты оказался внутри? Главная дверь была заперта.

Кейран поджал губы, словно собирался хранить эту тайну до последнего.

— Через двор. Там в стене щель... я пролез.

К крыше, окнам, дверям и заросшему саду добавилась дыра в ограде, через которую свободно проходят дети. Завтра меня ждало очень неприятное знакомство с масштабом ремонта.

— А зачем ты сюда полез?

— Я услышал её, — тихо ответил Кейран и посмотрел на решётку. — Она звала.

Мне не понравилось, как он это сказал.

— Кто — она? Ты слышал женский голос?

Он задумался, подбирая слова.

— Не знаю. Это не как человек говорит.

Ничего яснее не стало.

— Раньше такое бывало? Или ты слышишь её только здесь?

— Нет! Только отсюда, — поспешил заверить он.

Мальчик не пытался выглядеть загадочным. Напротив, ему очень хотелось, чтобы я поверила.

— Когда это началось?

— Давно. Когда снег ещё был.

Значит, несколько месяцев. Хорошо, что уточнил: дети умеют называть словом «давно» и вчерашнее утро, и половину собственной жизни.

— И всё это время приходил сюда?

— Папа запрещал ходить к восточной стене, — насупился Кейран. — Я сегодня только посмотреть хотел. А она опять позвала. Сильнее... сказала идти вниз.

Я заглянула в темноту под решёткой.

— И ты полез, даже не зная, что там?

— Я не полез!

Он выпалил это слишком быстро. Я приподняла брови, и Кейран виновато втянул голову в плечи.

— Почти не полез. А потом нога стала меняться.

Кажется, я поняла: испуг вызвал неполное превращение, лапа увеличилась и застряла между прутьями. Теперь паника мешала ему вернуть прежний облик.

— Ты умеешь возвращаться сам?

— Иногда получается, — ответил он, не глядя на меня.

— Попробуешь сейчас?

Кейран помотал головой. По его лицу было видно, насколько он устал; просить о новой попытке я не решилась. Он и без того не отводил испуганного взгляда от собственной ноги.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда сначала освободим ногу. Остальное потом.

Возле стены лежала сломанная лавка. Я отломила длинную доску и подсунула под погнутый прут.

— Когда скажу, тяни ногу на себя.

— А больно будет? — Кейран вцепился в край решётки. — Сильно?

Я на мгновение задержала руку.

— Может быть больно, — призналась я. — Поэтому будем осторожны. Если станет совсем плохо, сразу скажи.

Он серьёзно обдумал мои слова и кивнул.

— Тогда говорите, когда тянуть.

Я надавила на доску. Старая древесина закрипела, прут медленно начал отходить.

— Сейчас!

Кейран резко дёрнул лапу. Раздался металлический звон; мальчик повалился назад, а я едва не оказалась на полу, потому что доска переломилась посередине. Зато нога была свободна.

— Получилось! — выдохнула я. — Пальцами шевелить можешь?

Он осторожно пошевелил ими, царапнув камень когтями, и поднял на меня недоверчивый, радостный взгляд.

— Могу! — Он пошевелил ещё раз и наконец улыбнулся. — Больше не держит!

— Давай попробуем встать. Не торопись.

Человеческая нога удержала его вес, звериная подогнулась. Я подхватила Кейрана под руку, и он вздрогнул — от моего прикосновения, не от боли.

— Всё хорошо, я тебя держу.

— Я могу сам, — упрямо сказал он и попытался высвободиться.

— Тогда считай, что это я не могу сама и использую тебя как опору.

Кейран всмотрелся в моё лицо, проверяя, не смеюсь ли я над ним, и всё-таки позволил помочь.

Мы медленно вышли из подсобки. Увидев простор главного зала, Кейран остановился; звериное ухо повернулось вперёд.

— Слышите? — спросил он.

Я прислушалась, но уловила только тихий стук плохо закреплённой оконной рамы наверху.

— Нет. Она снова тебя зовёт?

Кейран указал на пустой бассейн и крепко сжал мою руку.

— Она там. Теперь громко.

— Что говорит? — спросила я, стараясь не показать тревоги.

Он вслушивался так долго, что мне захотелось унести его из зала. Наконец поднял голову:

— «Домой».

— Велит тебе возвращаться?

— Не мне, — прошептал Кейран, глядя прямо на меня. — Вам.

Я уже собиралась сказать, что он неправильно услышал, когда под ногами прошла слабая дрожь. В старой металлической чашке на полу мелькнул серебристый отблеск. Мне почудилось, будто колыхнулась вода, но, когда я наклонилась, чашка оказалась пустой.

— Вы тоже видели? — прошептал Кейран.

— Видела, — призналась я; отпираться было бессмысленно.

Из глубины здания донёсся протяжный гул, похожий на звук воды в трубах.

Я посмотрела на пустой бассейн.

— Здесь же нет воды.

— Есть, только внизу. Под нами, — уверенно ответил Кейран, указывая в пол.

Я вспомнила запах сырости в подсобке. Под зданием вполне мог проходить старый источник или подземный канал. Это объясняло бы гул, но никак не серебристое сияние.

— Идём к выходу, — решила я.

Мне совершенно не хотелось выяснять устройство неизвестной древней постройки ночью, вдвоём с ребёнком, который едва держался на ногах.

— Но она зовёт.

— Может подождать до утра.

— Она ждала долго.

— Тогда ещё несколько часов её не погубят.

Я повела Кейрана вдоль края бассейна. До двери оставалось шагов десять, когда он снова остановился.

— Не могу больше... нога.

Звериная лапа задрожала. Он попробовал сделать шаг и пошатнулся, так что мне пришлось подхватить его.

— Садись, отдохнём.

— Я дойду!

— Верю. Но сначала посидишь со мной.

Он подчинился с видом оскорблённого достоинства. Я усадила его на широкую скамью у бассейна, поставила фонарь на пол и присела рядом, поддерживая за плечи.

— Отдохни немного. Решётки больше нет, и торопиться нам некуда.

— Это волк дрожит, — проворчал Кейран. — Я-то спокойный.

— Значит, будем успокаивать волка.

— А вы умеете?

Вот тут он задал правильный вопрос. С детьми, теряющими контроль над превращением, я прежде не сталкивалась. В доме Эйрхольдов их почти не было: если возникали сложности, семья решала их подальше от посторонних глаз. Сколько одиночества скрывалось за этой аккуратной традицией, оставалось только догадываться.

— Что тебе обычно помогает? — спросила я.

— Ничего. Папа говорит считать до ста, а я считаю, и всё равно...

Он сердито посмотрел на лапу.

— Значит, сегодня попробуем другой способ.

— Папа сказал, этот хороший, — тут же вступился Кейран.

— Твой папа может быть прекрасным человеком и иногда ошибаться.

Эта мысль напомнила мне другого мужчину. Я поспешила отогнать воспоминание: сейчас ребёнок нуждался во мне больше, чем я — в жалости к себе.

— А что ты любишь делать? — спросила я.

Кейран задумался.

— Бегать. И есть пирожки.

— Бегать пока не получится. А вот пирожки...

Я вспомнила свёрток Мерты, оставшийся с вещами в вестибюле. Слишком далеко, чтобы бросать здесь Кейрана одного.

Мальчик вдруг наклонил голову.

— Я пить хочу.

— Воды для питья я здесь пока не нашла. Поищем на кухне, как только сможешь идти.

Он посмотрел в пустой бассейн.

— Вот же она, вода.

— Кейран, там листья. Не тянись туда.

Но он уже встал. Звериная лапа подвела его, и я не успела подхватить мальчика: потеряв равновесие, он полетел вниз.

— Кейран!

Высота была небольшой, но дно каменное. Я перегнулась через край — и не поверила глазам. Кейран не ударился: он исчез в воде, хотя секунду назад бассейн был пуст. По всей огромной чаше расходились серебристые круги.

Я замерла лишь на мгновение, потом сбросила плащ и прыгнула следом.

Вода оказалась тёплой и доходила мне до пояса. Кейран сидел рядом, растерянно хлопая глазами; я подхватила его под мышки и поставила на ноги.

— Кейран, посмотри на меня! Ты цел?

Он закивал, но я всё равно схватила его за плечи, проверяя, не ударился ли.

— Голова не болит? А нога?

— Ничего не болит! Я цел, правда!

Только теперь я позволила себе выдохнуть и заметила свет вокруг нас. Вода не отражала фонарь — сияла изнутри. Тонкие серебряные линии тянулись по дну, складываясь в узор, похожий на ветви или корни, и сходились в центре у круга полной луны.

— Лиавена... — прошептал Кейран.

Я посмотрела на него. Мех на щеке исчезал, медленно отступая, словно тень.

Волчье ухо дрогнуло, уменьшилось и растворилось среди тёмных волос. Пальцы на руке стали человеческими. Когти исчезли.

Я перевела взгляд на его ногу: звериная лапа тоже менялась. Кейран смотрел на себя, не моргая, и через несколько секунд передо мной сидел обычный мальчик.

— Я... — Он поднял обе руки. — Я вернулся! Сам вернулся!

В голосе было такое потрясение, что я не сразу нашлась с ответом.

— Вижу. Получилось, Кейран.

— Нет, вы не понимаете! Я так быстро не могу!

Он схватил меня за руку, боясь, что я отмахнусь, потом посмотрел на серебряное сияние вокруг нас.

— Это не я. Она мне помогла.

Я тоже посмотрела вниз. Вода была совершенно прозрачной. Под ногами виднелась старая мозаика, и серебряные линии двигались по ней, словно живые.

— Голос ещё слышишь?

Кейран прислушался и покачал головой.

— Она молчит. Совсем.

— Может, получила то, что хотела.

— А чего она хотела?

Ответить мне было нечего.

Мне всё это не нравилось и одновременно притягивало сильнее, чем следовало. Я опустила ладонь в воду. Сияние тут же усилилось вокруг пальцев. Кейран ахнул. Я резко вытащила руку. Свет погас не полностью, но стал слабее.

— Ещё раз так сделайте! — попросил он, придвигаясь ближе.

— Подожди. Сначала я хочу понять, что происходит.

— А как вы поймёте, если не попробуете?

Возразить было трудно. Я всё же взяла его за руку: с меня пока хватило одного опыта.

— Давай выбирать.

Мы подошли к краю бассейна. Ступени обнаружились в дальнем конце, хотя раньше я их не заметила. Возможно, просто не дошла. Я поднялась первой. Вода стекала с платья, но холода почему-то не было. Кейран вышел следом и тоже выглядел удивлённым.

— Мне совсем не холодно, — удивился Кейран, отжимая край рубашки. — Здесь всегда так?

— Не знаю, Кейран. Я ведь здесь первый раз, как и ты.

Он усмехнулся, и обычный детский смех неожиданно изменил весь зал. Ещё недавно тот казался мёртвым; теперь поверить в это было трудно.

Я обернулась к бассейну. Вода никуда не исчезла, наполняя чашу до края.

— Когда я вошла сюда, он был пустой.

— Я тоже видел. До того, как полез в подсобку, — поспешно пояснил Кейран, поймав мой взгляд.

Значит, мне не показалось. Вода появилась из ниоткуда или поднялась откуда-то снизу.

Я подошла к стене и подняла фонарь. Волчата на мозаике по-прежнему бежали вокруг серебряной луны, но теперь рисунок казался подсказкой.

— Кейран, ты что-нибудь знаешь об этих купальнях?

— Они старые. И сюда нельзя.

— Это мы уже выяснили. Ещё что-нибудь?

— Говорят, ночью тут женщина плачет.

Я медленно повернулась к нему. Помимо развалин, мне досталась ещё и местная страшная история.

— А кто говорит?

— Все. А бабушка рассказывала, что раньше сюда детей приводили.

Вот это было интереснее.

— Твоя бабушка здесь бывала? Каких детей приводили?

— Не знаю. Она дальше не рассказывает.

Надо будет запомнить.

— А дома тебя сейчас ищут?

Кейран мгновенно сник.

— Наверное. Папа уехал на собрание ремесленников, вернётся утром. Он думает, я у соседей, а они думают, что я дома.

Я прикрыла глаза.

— Очень удобно устроено.

— Я ненадолго хотел, правда! — Он заглянул мне в лицо. — Вы сердитесь?

— Достаточно, чтобы самой отвести тебя домой.

— Не надо!

Он почти вскрикнул, и я присела перед ним.

— Почему? Отец всё равно узнает, что тебя не было.

— Не из-за этого... Он увидит, что я опять изменился.

Кейран провёл рукой по совершенно человеческой щеке.

— Теперь уже не увидит.

— Я ему скажу. Только он расстроится.

Я всмотрелась в мальчика. Он боялся огорчить отца, а не рассердить его, и эта разница многое меняла.

— Папа очень за тебя боится?

Кейран ковырнул носком сапога край мозаики. Вторая нога была босой: при обращении он потерял сапог, а я в суматохе этого не заметила.

— Он говорит, если я не научусь держать волка, меня не пустят учиться вместе с другими.

— Кто же тебя не пустит?

— Старшие, — ответил Кейран и на просьбу объяснить лишь пожал плечами.

Для ребёнка все взрослые после определённого возраста сливаются в одну подозрительную категорию.

— Хорошо, с этим разберёмся завтра.

— Мы с вами? — спросил он с такой надеждой, что у меня дрогнуло сердце.

Я не собиралась говорить «мы». Слово выскочило само.

— Сначала найдём твой сапог, — сказала я.

Мы вернулись к подсобке. Сапог лежал возле решётки, и там же обнаружилось кое-что ещё: на прутьях, зажавших ногу Кейрана, появился тонкий серебристый налёт. Я коснулась его пальцем. Холодный след сразу исчез.

— Вы тоже видели? Это она, — сказал мальчик из-за моего плеча.

— Кейран, мы ведь даже не знаем, что это. А ты говоришь так уверенно.

— Я знаю. Купальни.

Он смотрел на меня очень серьёзно. Я хотела возразить, но после появления бассейна из пустоты утверждать, что здание не способно никого звать, было бы слишком самоуверенно.

В вестибюле я нашла свёрток Мерты и разделила выпечку между нами. Кейран начал клевать носом, не доев. Я спросила, где он живёт и у кого должен был ночевать, потом записала оба адреса на обороте ненужной описи вещей.

Вести его через полгорода пешком я не решилась. Усадив мальчика возле открытой входной двери, вышла к воротам и дождалась обходившего стену стражника. Тот согласился передать записку соседям Кейрана: ребёнок нашёлся, он со мной, утром я доставлю его домой. Своё имя и адрес купален я написала полностью.

Когда вернулась, Кейран уже сползал с лавки, засыпая. Я подхватила его и помогла встать.

— Сегодня переночуешь здесь. А утром отправимся к отцу.

Кейран сразу проснулся.

— Можно возле бассейна?

— Даже не надейся. Мне хватило одного ребёнка, падающего туда за ночь.

— Я же не специально!

— Вот поэтому и не хочу, чтобы ты снова оказался рядом без меня.

Я выбрала небольшую комнату возле вестибюля, где окно закрывалось, потолок не вызывал немедленных опасений, а на полу можно было расстелить покрывало. Кейран улёгся, завернувшись почти с головой.

— Лиавена... вы завтра меня выгоните?

Я остановилась возле двери. Кейран почти спрятался под покрывалом и смотрел на меня поверх его края.

— Сначала я осмотрю здание при свете дня и решу, можно ли сюда вообще кого-нибудь впускать.

— А если можно? — не отставал он. — Тогда мне разрешите?

— Тогда поговорим. Спи, ты совсем измучился.

Твёрдого обещания я не дала, но Кейран, кажется, услышал главное: его не прогоняли. Через несколько минут он спал.

Мне уснуть не удалось. Я ещё раз проверила комнату Кейрана, затем вернулась в главный зал. На моё прикосновение вода больше не отзывалась. Только мокрые рукава убеждали, что всё случившееся мне не привиделось.

Я подняла фонарь к мозаике: восемь волчат, один серебряный круг и почти стёртая женская фигура на самом краю рисунка, которую я прежде не заметила. Женщина протягивала руки к детям; лица не сохранилось.

На её запястье виднелся маленький полумесяц над тремя волнистыми линиями — тот же знак, что на входной двери. Под ним угадывались буквы. Я стёрла пыль и разобрала только одно слово:

«Хозяйка».

* * *

Уснула я уже под утро прямо в кресле возле входа. Разбудил меня громкий стук. Я вскочила так резко, что едва не опрокинула фонарь. В окно пробивался серый утренний свет. Стук повторился.

— Эрдек? Сейчас открою! — крикнула я.

— Никакой я не Эрдек! Откройте!

Незнакомый голос звучал сердито и по-стариковски хрипло. Я подошла к двери и отодвинула засов.

На пороге стоял мужчина лет шестидесяти, широкий в плечах, с совершенно седыми волосами и густыми бровями, под которыми прятались внимательные тёмные глаза. В одной руке он держал связку ключей, в другой — метлу.

— Вы кто? — спросили мы одновременно.

Незнакомец нахмурился, крепче перехватил метлу. С уступками у него, похоже, обстояло не лучше моего.

— Начните вы, — предложила я. — Вы ведь стучали.

— Гарвен Тосс. Смотритель.

Я оглянулась на покрытую пылью лестницу, треснувший пол и дверь, которую вчера едва удалось открыть.

— Смотритель? И что же вы смотрели последние двадцать лет?

— Чтобы никто не полез внутрь, — отрезал он, прищурившись.

— Прекрасно справились.

Как раз в эту минуту из комнаты выглянул сонный Кейран. Гарвен увидел его, и сердитое выражение на миг сменилось испугом.

— Мальчишка?! Ты что здесь делаешь?

— Доброе утро. Я спал, — пробормотал Кейран.

— Я вижу, что не танцевал!

Мальчик поспешил спрятаться обратно.

Я встала между Гарвеном и коридором.

— Он пришёл ночью, — сказала я. — Давайте расспрашивать его позже.

Гарвен перевёл взгляд на меня.

— А вы здесь по какой надобности?

— Со вчерашнего вечера я здесь живу.

Он помолчал и рассмеялся так невесело, будто услышал особенно неудачную шутку.

— Живёте? В купальнях? Кто разрешил?

Я достала из сумки документ.

— Закон. Можете проверить.

Гарвен прочитал документ, затем вернулся к началу и перечитал ещё раз.

— Стало быть, купальни теперь ваши... Эйрхольды совсем ума лишились.

— Вчера вечером я думала примерно то же самое.

Он вернул документ.

— Здесь жить нельзя, — объявил он. — Крыша плохая, стены сырые, вода перекрыта.

— Крышу со стенами я заметила. А насчёт воды есть новости.

Я посмотрела в сторону главного зала. Гарвен проследил за моим взглядом и насторожился.

— Какие ещё новости? Что вы сделали?

— Почему сразу я?

— Потому что двадцать лет здесь ничего не происходило. Потом приезжаете вы, и утром у меня чувство, будто кто-то всю ночь переворачивал здание вверх дном!

Спрашивать, как он это почувствовал, я пока не стала.

— Лучше покажу. Идёмте.

Кейран уже вышел из комнаты.

— Можно с вами? — попросил он.

— Ты ведь всё равно пойдёшь, даже если запрещу?

Кейран честно кивнул, и я пропустила его вперёд. Гарвен что-то проворчал себе под нос.

В главном зале смотритель сделал два шага и остановился. Метла выпала из его руки. Я никогда прежде не видела, чтобы человек бледнел так быстро.

Гарвен смотрел на наполненный бассейн. В утреннем свете вода была совершенно обычной, но сомнений быть не могло: вчера эта чаша пустовала. Старик медленно подошёл ближе.

— Кто открыл нижний затвор? — выговорил он. — Кто запустил источник?

— Если бы я знала, что здесь есть источник, мне было бы проще ответить.

Гарвен повернулся к Кейрану.

— Ты туда лазил?

— Я упал, — торопливо ответил мальчик и указал на воду.

Смотритель посмотрел на меня так, что я невольно выпрямилась.

— Бассейн был пустой. Ребёнок упал в пустой бассейн?

— Начал падать в пустой, а оказался уже в полном. Я видела своими глазами.

Гарвен не сводил с меня взгляда.

— Поверьте, — добавила я, — мне эта история нравится не больше, чем вам.

Гарвен опустился на одно колено и коснулся воды двумя пальцами. Ничего не произошло. Он поманил Кейрана.

— Подойди. Ты ведь обращался ночью?

— Немного, — замялся мальчик.

— Наполовину, — ответила я за него. — А в воде вернулся полностью, за несколько секунд.

Смотритель резко поднял голову, будто эта подробность поразила его сильнее самого источника. Медленно выпрямился, обвёл взглядом стены, мозаику, наполненную чашу и наконец посмотрел на меня.

— Подойдите к воде. Пожалуйста.

Первое вежливое слово от него уже само по себе настораживало. Всё же я подошла.

— Коснитесь её.

— Вчера я уже пробовала.

— Ещё раз. Мне нужно увидеть самому.

Я присела и опустила ладонь. Сначала ничего не происходило, потом от пальцев по поверхности разошёлся тонкий серебряный круг.

Гарвен отшатнулся. Сияние поползло по дну, цепляясь за старую мозаику. Одна за другой загорелись линии, которые я видела ночью. Кейран улыбнулся.

— Вот! Я говорил!

Я вытащила руку, и свет постепенно угас. Гарвен стоял совершенно неподвижно.

— Ну? — спросила я. — Теперь вы объясните, что это означает?

Во взгляде Гарвена появилось что-то, чего я никак не ожидала после вчерашнего вечера: узнавание, смешанное с надеждой. Будто перед ним стояла женщина, которую здесь давно ждали.

Гарвен медленно поднял упавшую метлу, прислонил её к колонне и тихо произнёс:

— Значит, она выбрала хозяйку.

Глава 3. Купальни для непослушных волчат

— Значит, она выбрала хозяйку.

Я посмотрела сначала на Гарвена, потом на воду, где последние серебряные отблески медленно растворялись под утренним светом.

— Кто именно «она»?

Смотритель молчал. Вчера Кейран называл так сами купальни. Теперь то же слово произнёс взрослый мужчина, явно знавший об этом месте больше моего. Я ждала, но Гарвен всё смотрел на воду.

— Гарвен, вы меня слышите?

Он вздрогнул, будто только сейчас вспомнил, что в зале находилась не одна ожившая вода.

— Я слышала, чт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.